

«ПРОБЛЕМА» ПРОТИВ «МЕТОДА», ИЛИ КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Фредерик Вормс «Философия во Франции в XX веке. Моменты»*
Frédéric Worms «La philosophie en France au XX siècle. Moments». Gallimard, folio essays (inédit). Paris, 2009. 643 p.

Книга Фредерика Вормса, вышедшая во Франции весной 2009 г., сразу же получила освещение в прессе и до сих пор продолжает рецензироваться и вызывать дискуссии во франкоязычной академической среде. Многие печатные издания («Ле Монд», «Магазин Литтерер» и др.) приветствовали исследование, работе над которым автор посвятил 15 лет, как настоящее «событие», как «одно из самых значительных явлений во французской культурной жизни за последние годы» и даже как настоящий «подвиг». Чем же объясняется такое воодушевление? Во-первых, речь идет об истории французской философии в ее самый интересный и плодотворный период – с начала XX в. по сегодняшний день. Во-вторых, к исследованию современности предлагается качественно иной подход: отказываясь от представления материала в традиционной, хронологической форме, Вормс пытается дать критическую генеалогию самих произведений, позволяющую выявить некоторые закономерности в становлении современной французской мысли. Это одновременно, как заявляет сам Вормс, учебник, сборник и эссе (или «опыт»).

Книга, действительно, претендует на дидактичность, в той мере, в какой пытается выработать строгий, систематический метод анализа, охватить необычайно обширный пласт проблем, задействовать внушительный корпус литературы. В то же время учебником ей мешает быть выборочный характер рассматриваемых авторов и текстов: отсутствуют или же упомянуты только вскользь имена большинства политических философов (таких как Касториadis, Альтюссер или Арон), философов «трансгрессии» (Батай, Бланшо), из поколения 1960-х остаются практически вне рассмотрения Дёлез и Фуко. Кроме того, не попадает в книгу и целый ряд еще активно публикующихся философов-марксистов (Балибар, Рансьер, Бадью). Разумеется, такая пози-

* *Фредерик Вормс* (род. 1964) известен во Франции прежде всего как специалист по философии Анри Бергсона. Бергсону была посвящена его первая (кандидатская) диссертация: «Проблема духа – психология, теория познания и метафизика – в творчестве Бергсона» (1995), а также исследование, благодаря которому он получил профессорскую степень: «Бергсон, момент 1900-х годов и два смысла жизни» (2002). Удачно совмещая две важные функции – председательство в возрожденном им Обществе друзей Бергсона и руководство Международным Центром по изучению современной французской философии (открытым Аленом Бадью и Ивом Дюру на базе Высшей нормальной школы в 2002 г.), Вормс разрабатывает две составляющие собственной историко-философской стратегии. Продолжая исследовать творчество А.Бергсона, он рассматривает его с точки зрения возникновения и кристаллизации новых философских проблем. В то же время, прослеживая пути решения этих проблем в современных философских текстах, он уделяет особое внимание способам их трансформации, тому, как каждая из них получает новую неожиданную трактовку и специфическое звучание внутри нового философского дискурса.

ция, не предполагающая исчерпывающего представления, нуждается в обосновании. Можно сказать, Вормс совершает выбор в пользу экзистенциально-этической философии в ущерб мысли формально-политической. Речь идет именно об «опыте», т. е. о попытке рассмотреть французскую философию XX в. под определенным углом: представить ее как открытое и динамическое пространство мысли, которое делает возможным сообщение не между «идеями», «фигурами» или «поколениями», но прежде всего – и как бы в синхроническом срезе – между самими текстами. Именно идея встречи или коммуникации между текстами и является, наверное, ключевой идеей, вдохновляющей Вормса.

«Моменты» и проблемы

Понятие «момента», изобретенное Вормсом и вынесенное им в заголовок книги, уже прочно вошло в современный французский историко-философский обиход. Оно выражает новую методологическую установку, позволяющую рассматривать ту или иную историческую эпоху как единое явление, настолько же уникальное, насколько универсальное, обладающее четкими пространственно-временными, географическими и национальными координатами. Так, согласно Алену Бадью, подхватывающему и развивающему это понятие, история мировой философии отмечена несколькими моментами-вспышками: это античный момент (от Парменида до Аристотеля), момент немецкой классики (между Кантом и Шеллингом) – сюда можно добавить также момент средневековой схоластики или, например, английского эмпиризма. Удивительный расцвет французской философии второй половины XX в. – один из таких моментов.

Но если Бадью характеризует как «французский момент» философии промежуток времени от выхода в свет «Бытия и Ничто» Сартра (1943) до публикации «Что такое философия?» Делёза и Гваттари (1991), Вормс выделяет в истории современной французской философии целых три или даже четыре «момента». Момент 1900-х гг., который охватывает период с конца XIX до 30-х гг. XX в., момент Второй мировой войны (30–60-е гг. XX в.) и, наконец, момент 1960-х гг., продолжающийся вплоть до 1980-х гг. XX в., когда совершается еще один поворот, ведущий к нашему сегодняшнему философскому «моменту». Каждый момент должен иметь свою специфику и содержать в себе тот конститутивный принцип, согласно которому он может рассматриваться как единое целое. Таким принципом, согласно Вормсу, выступает «проблема». Момент 1900-х гг. формируется вокруг проблемы духа, момент Второй мировой войны – вокруг проблемы существования или экзистенции, а момент 1960-х – вокруг обсуждения понятия структуры. И, наконец, наш сегодняшний момент определяется проблемами живого и справедливости.

Для очерчивания проблемы Вормс следует парному принципу. Разделение на философские пары – типичный классификационный прием, уже использовавшийся при представлении истории французской философии. Сам Вормс об этом напоминает, цитируя здесь Бергсона: «Каждый момент в истории французской философии определяется скорее не произведением одного какого-нибудь автора, а оппозицией между двумя произведениями, двумя стилями <...> Декарт и Паскаль, Руссо и Вольтер, Конт и Мэн де Биран» (с. 189–190). Но в особенности такое разделение характерно для XX в. Фуко, а за ним и Бадью, относят к его началу образование диалектической

фигуры французской мысли: философия понятия или рефлексии против философии опыта или жизни¹. Но если для Фуко речь шла о том, чтобы выделить в отдельное направление маргинализованную до сегодняшнего времени философию науки в лице ее наиболее ярких представителей: Брюншвика, Кавайеса, Кангилема, Койре и Башляра, то Бадью применяет этот принцип деления более широко, используя его как эвристическую схему для понимания того, что он называет «французским моментом» философии, организующимся вокруг проблемы субъекта – вокруг, по сути, наследства Декарта. Именно противостояние между «экзистенциальным витализмом» (Бергсон, Сартр, Фуко, Делёз) и «концептуальным формализмом» (Брюншвик, Альтюссер, Лакан) и составляет, по мнению Бадью, основную «проблему» философии XX в. во Франции.

Для Вормса история французской философии XX в. начинается с философской пары Бергсон и Брюншвик. Эта антиномическая пара содержит в себе тот изначальный философский разрыв, который будет давать о себе знать на протяжении всего века и будет с разной силой проявляться в разнообразных системах мысли: Бергсон закладывает основания для развития философии сознания или жизни, тогда как учение Брюншвика стоит у истоков т. н. философии понятия. В отличие от Бадью, относящего Бергсона скорее к предтечам современного философского момента во Франции, Вормс отводит ему исключительную и основополагающую роль. Именно Бергсону принадлежит заслуга постановки новой философской проблемы в начале XX в. Именно у него она достигает настолько четкой формулировки, что выходит за пределы его философии, охватывая собой весь спектр частных философских вопросов, организующих общий философский момент не только 1900-х гг., но и всего XX в. Вормс показывает затем, как проблема духа, расширяясь и углубляясь, приобретает практическое значение.

Следующая антиномическая пара – теолог Морис Blondel и философ, критик и эссеист Ален (настоящее имя Эмиль Шартье) закладывает этическое измерение момента. Одновременно универсализации проблемы духа способствует и выработка ряда понятий в научной сфере: речь идет о понятии «относительности» в физике Пуанкаре, о понятии «ментальности» (мышления) у Дюркгейма и Леви-Брюля, а также о понятии «бессознательного» в том виде, в каком его развивал Пьер Жане. Всем известная интуиция Бергсона, а именно разделение пространства и времени (длительности), разрастается в глобальную проблему философской теории познания, которая основывается на этой фундаментальной двойственности нашего опыта: «Кажущийся простым опыт мира, людей, нас самих, является, на самом деле, опытом двойственным, искаженным нашим духом. Но в то же время этот опыт можно обнаружить при помощи нашего духа, другим актом нашего духа, самого по себе двойственного, и именно на эту двойственность и должна быть направлена не только наша мысль как таковая, но и наша жизнь во всей совокупности ее проявлений» (с. 37). Речь идет, таким образом, не просто об «уютно спиритуалистическом» или метафизическом моменте дуализма тела и духа, утверждает Вормс. На этом моменте основывается целый комплекс проблем эпохи, организуя «поле боя» вокруг вопроса о субъекте, поскольку субъект, с одной стороны, создает понятия, является познающим субъектом, а с другой стороны, есть живое тело, объект познания.

¹ Foucault M. La vie: l'expérience et la science (1985) // Dits et écrits. T. 2. P., 1994; Badiou A. Panorama de la philosophie française contemporaine. Conférence à la Bibliothèque Nationale. Buenos Aires, le 1er juin, 2004. <<http://multitudes.samizdat.net/Panorama-de-la-philosophie>>.

В «момент» Второй мировой войны на смену проблеме духа приходит новая проблема, проблема «существования». Однако Вормс не стремится объяснить зарождение этого «момента» через влияние немецкой мысли и обходит вниманием формальный и языковой аспект трансформации французской философии². Становление проблемы существования прослеживается им на примере трех разных прочтений Киркегора, принадлежащих, соответственно, Сартру, Жану Валю и Левинасу. Таким образом, он опять же совершает выбор в пользу содержательного, «проблемного» аспекта. Поиск новой проблемы, ее предвосхищение, можно обнаружить уже в книге Жана Валя «По направлению к конкретному» (1932). Но речь не идет о том, чтобы просто заменить «духовное» предыдущего момента на «материальное» и чувственное нового момента. Переворачиваются сами отношения между конкретным и духовным. Дух вбирает в себя мир: он больше не рассматривается как внутренняя самодостаточность, но – в его отношении к внешнему, к познанию, к истории и т. п. Общей предпосылкой для постановки проблемы, таким образом, оказывается сам *факт* существования мира, неоспоримый и не подлежащий дальнейшему обоснованию. Ключевая фигура момента – это, без сомнения, Жан-Поль Сартр, тогда как антиномическая пара момента – Сартр и Жан Кавайес³. Несмотря на то, что основной постулат (фактичность мира и сознания) объединяет обоих философов в рамках единой проблемы и оба мыслителя выступают против обоснования науки через субъективный сознательный акт, т. е. отказываются от гуссерлевского решения, они все же оказываются на двух противоположных полюсах «момента». В то время как Кавайес пытается найти новые основания для науки (необходимость), Сартр радикализует феноменологию, делая акцент на абсолютной случайности и бесосновности (свобода). Речь идет не просто об оппозиции философии понятия и философии сознания, но о прямом столкновении между свободой и необходимостью.

В то время, как проблемы духа и экзистенции имеют в виду определенную предметную область, проблема «структуры», характеризующая момент 1960-х гг., свидетельствует, прежде всего, об изменении теоретической парадигмы и способа философствования как такового⁴. Однако, согласно Вормсу, Леви-Строс, подвергая критике Сартра в «Первобытном мышлении», не просто противопоставляет структурный *метод* методу историческому и диалектическому, но ставит новую *проблему* или противопоставляет одну модель *смысла* другой. Человек обладает собственной объективностью, которая не зависит от него самого, но откладывается в системе знаков, созданных культурой (в языке). А знаки, вместо того, чтобы отсылать к означаемому, которое бы их превосходило и было бы им трансцендентно, отсылают друг к другу. Человеческая объективность становится таким образом *структурированной*.

² Такая попытка была предпринята Декомбом (см.: *Descombes V. Le même et l'autre: quarante-cinq ans de la philosophie française. 1933–1978. P., 1979*), окрестившим послевоенное поколение во Франции как поколение трех «Н» (Hegel, Husserl, Heidegger).

³ Ж.Кавайес, французский философ и математик, родился в 1903 г., перед началом Второй мировой войны защитил две диссертации «Аксиоматический метод и формализм» и «Заметки об образовании абстрактной теории множеств». Во время оккупации примкнул к Сопротивлению, был схвачен и расстрелян в Аррасе в 1944 г.

⁴ Декомб объясняет смену момента исчерпанием диалектической мысли, обесмысливанием истории, поиском «различия», «иного», ставящего под удар тождественное. Фуко же видит здесь знак слабости феноменологической мысли, чье специфическое понимание субъекта мешает ей анализировать такие новые философские объекты, как, например, бессознательное, а символическим моментом для намечающегося разрыва он считает момент встречи Мерло-Понти с проблемой языка.

И все же «момент» не сводится к одной проблеме «структуры»: понятие «структуры», в понимании Вормса, крепко связано с понятием «различия». Постановка проблемы, таким образом, происходит в два этапа: сперва прослеживается введение структурного типа мышления; затем распространение метода приводит к организации отношений между системами мысли как отношений различия или дифференциации. На первом этапе речь идет об использовании модели «структуры» для разрешения проблем, возникших в области психоанализа (Лакан), экономики и политики (Альтюссер), семиологии и литературы (Барт). Однако расширение модели приводит к возникновению трений и «напряжений» (*tension*) внутри определенных областей познания, которые критически выявляются в основополагающих текстах философско-постструктуралистов. Вормс разбирает ряд ключевых произведений десятилетия, на примере которых можно проследить переход от структуры к различию: «Слова и вещи» Фуко (1966), три книги Деррида, вышедшие в 1967 г.: «Голос и феномен», «Письмо и различие», «О грамматологии», а также «Различие и повторение» и «Логика смысла» Делёза, опубликованные соответственно в 1968 и 1969 г., и, наконец, «Дискурс, фигуру» Лиотара (1971). От Фуко до Делёза можно констатировать радикализацию понятия различия: если Фуко показывает двойственность, нефиксированность отношений между «словами» и «вещами» (двойственность знания и опыта), то Деррида, проводя деконструкцию понятия структуры, и Делёз, выступая против идеи «тождественного», разрабатывают собственное понятие различия⁵.

Отношения и напряжения

Каждый момент организуется не просто вокруг единой проблемы, но сплетен из тех отношений, которые устанавливают между собой единичные философские произведения. Поскольку система координат для данного философского момента задается Вормсом исходя из двух полярных позиций, именно «напряжение» между противоположными точками зрения и определяет внутреннюю динамику момента. Разнообразные отношения между различными философскими тенденциями внутри момента создают линии напряжения, которые выходят далеко за его пределы и, подводя к постановке новых проблем, учреждают тем самым новый философский момент. Поэтому Вормс и называет разрабатываемую им модель историко-философского анализа «реляционной» моделью или историей *отношений*.

Специфика момента 1900-х, согласно Вормсу, в том, что он конституируется во многом за счет своей открытости другим национальным философским – это не чисто французский момент, но включает в себя философские тенденции других стран, в особенности Германии, но также Англии и Америки. Вормс выстраивает вокруг Бергсона целую группу или сеть отношений: Бергсон и Фрейд, Бергсон и Джеймс, Бергсон и Рассел (а также, косвенным образом, Бергсон и Гуссерль), где каждое из рассматриваемых отношений вносит свой вклад в оттачивание общей проблемы момента. Все перечисленные философы так или иначе решают эту проблему, но каждый из них предлагает свой способ ее решения: их тексты вступают в отношения взаимного притяжения, отталкивания, (частичного) искажения или даже переворачивания. В следующий «момент» проблема существования или экзистенции также не является проблемой только экзистенциализма. Противо-

⁵ См., например: *Nancy J.-L. Les différences parallèles (Deleuze & Derrida) // Derrida, la tradition de la philosophie*. P., 2008.

поставление Сартра и Кавайеса создало раскол внутри философии момента и разделило ее на два «лагеря»: философов существования, таких как Мерло-Понти, Валь и Камю, и философов необходимости (Башляр, Кангилем, Симона Вейль), каждому из которых Вормс посвящает отдельную главу. Однако между вышедшими в 1943 г. книгами «Структура поведения» Мерло-Понти и «Нормальное и патологическое» Кангилема существует не только разрыв, но и связь, точно так же, как и между опубликованными в том же году «Бытием и ничто» Сартра и «Элементами этики» Набера. Анализируя позиции указанных философов в решении данной проблемы, Вормс вводит еще одну «трансверсальную» и опосредующую группу – «философов-проводников». С одной стороны, речь идет об учениках Бергсона, таких как Янкелевич и Валь, а с другой, об учениках Брюншвика, таких как Набер и Башляр. Эта группа, хотя и принадлежит уже новому моменту, тем не менее возвращается к наследию Бергсона и Брюншвика, открыто его возобновляет, но уже внутри своего момента, т. е. преодолевая разрыв.

Таким образом, каждая проблема развивается и дифференцируется изнутри: ее жизненная сила определяется множеством и разнообразием занимаемых по отношению к ней позиций. Практически каждый философ участвует в двух, а порой даже и во всех трех моментах, состоит в синхронных и одновременно диахронных отношениях: разделяет принципы своего момента, конститутивно ему принадлежит, но при этом возвращается и к предыдущим моментам, их реанимирует. Так, например, Мерло-Понти рассматривается Вормсом сначала «в паре» с Брюншвиком, а затем – в противопоставлении с Кангилемом. Одновременно у того же Мерло-Понти можно найти в зародыше и проблематику нового момента 1960-х гг.: осознание необходимости введения понятия различия по отношению к проблеме восприятия. Кангилем, в свою очередь, также принадлежит обоим моментам – он современник Сартра и в то же время учитель Фуко. Наконец, для момента 1960-х гг. ключевой фигурой, по мнению Вормса, является Деррида. С одной стороны, он выступает связующим звеном между проблемой структуры и проблемой различия (установление связи между которыми и составляет проблему момента), с другой стороны, его творчество позволяет проследить переход от момента 1960-х к нашему сегодняшнему моменту – от понятия различия к понятиям жизни и справедливости.

Разрывы и дебаты

Новизна и оригинальность подхода Вормса заключается в рассмотрении философии во Франции как истории *разрывов*. Сам термин «момент» указывает уже на прерывный, дискретный характер развития истории философии – не плавно продолжающийся и перетекающий из одной исторической формы в другую, но отмеченный разрывами, остановками, отступлениями назад и скачками вперед. Хотя теория моментов может быть применена, замечает Вормс, и к истории мировой философии, она особенно эффективна именно в отношении французской философии XX в., представляющей из себя наиболее очевидным образом смену *отдельных, автономных* моментов – настолько ярких и оригинальных, что каждый последующий момент одной своей силой не просто затемняет, но почти что отменяет предыдущий момент, предавая его забвению. Теория разрывов способна объяснить многие неясные страницы в истории французской философии, например, внезапную

утрату интереса к философии Бергсона, основоположника момента 1900-х, с появлением экзистенциальной философии Сартра, а затем такое же низвержение Сартра в 1960-е гг.

Несмотря на то, что понятию «разрыв» уделяется много внимания в современной мысли – именно разрыв считается признаком действительного исторического развития, – Вормс не является сторонником диалектической трактовки этого термина. Моменты не есть моменты *чего-то*, т. е. в гегелевском смысле развития духа или понятия. Разрыв не снимается затем внутри новой формы философского знания, но между моментами происходит челночное движение: возвращение и возобновление. Неслучайно книга открывается анализом философии Бергсона: его понятие длительности нелинейно, нехронологично, каждый момент пропитан всеми предыдущими моментами, несет их в себе, выражает собой всю полноту прошлого. Последовательному, хронологическому пониманию истории Вормс противопоставляет, таким образом, идею многообразия моментов. Эти моменты включены в «частично непрерывную последовательность» (с. 189). Это значит, что разрыв появляется на фоне возобновления. Именно разрывы парадоксальным образом и позволяют обнаружить историчность философии, обнаружить *связи* между моментами. «Если разрыв действительно имел место, что оправдывает наш способ изучения философии XX века во Франции в виде отдельных “моментов”, и если сами произведения превосходят изнутри мотивы этого разрыва, разве не станет сразу же понятным, почему весь век был отмечен их возобновлениями?» (с. 28).

Внешней формой проявления намечающегося внутри момента разрыва является, согласно Вормсу, публичная полемика. Так, первый значительный разрыв пришелся на время между двумя войнами. Война поставила под вопрос фундаментальную проблему момента 1900-х – вопрос о духе. Философы, «властители дум» начала 1900-х, недооценили значимость истории. Представители философии духа, различных форм спиритуализма, витализма и философского оптимизма, приветствовавшие Первую мировую войну, дезавуировали себя по ее окончании и показали полную несостоятельность своих взглядов перед началом Второй мировой войны. Итог этому первому разрыву был подведен тремя памфлетами: «Предательство интеллектуалов» Жюльена Бенда (1927)⁶, «Конец философского парада: бергсонизм» Жоржа Политцера (1929) и «Сторожевые псы» Поля Низана (1932). Авторы обвиняют целую плеяду философов, и в особенности Бергсона, в предательстве истории и «конкретного человека» в пользу идеи чистого духа. Но если критика Бенда осуществляется изнутри самого момента, два других памфлета совершают действительный разрыв и способствуют смене одного момента другим. «Сторожевыми псами» называются те, кто, делая вид, что занимают нейтральную политическую позицию, находятся вне истории и общества, не понимают или не хотят понимать, что тем самым встают на сторону определенной прослойки, служат интересам буржуазного общества. Эти памфлеты – выразители глубокого кризиса духа и, прежде всего, кризиса дискурса о духе⁷.

Второй разрыв приходится на 1960-е гг. Проблема структуры появляется на фоне жесткой критики и отрицания философии сознания, олицетворяемой Сартром, и в то же время на фоне частичного возвращения к проблематике Кавайеса, к пересмотру его математических интуиций и их новому применению. Но это отрицание есть в то же время *возобновление* философии понятия,

⁶ Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М., 2009.

⁷ Вормс ссылается здесь на книгу Жака Деррида «О духе. Хайдеггер и вопрос» (*Derrida J. De l'esprit, Heidegger et la question. P., 1987*).

формалистической философии как своего рода реакции против философии опыта. Но почему? К сожалению, Вормс не ставит прямо вопрос о специфике самого разрыва, отделяющего философию 1960-х гг. от предшествующей философии. Если предыдущий разрыв с моментом 1900-х четко полемически идентифицирован и привязан к трем памфлетам, то устойчивое неприятие Сартра, сформировавшееся у философов 1960-х гг., остается без объяснения.

«Наш момент»

Еще в самом начале книги Вормс определяет цель и направление своего анализа: «Это исследование ведет <...> к требованию отнести беспокойства настоящего момента к философской проблеме» (с. 18). Но можно ли идею «моментов», согласно которой Вормс строит свою историю философии, применить не к прошлому, а к настоящему? В конечном итоге, успех проведенного Вормсом анализа критической генеалогии моментов зависит от того, насколько на данном финальном этапе исследования мы можем располагать достаточным методологическим инструментарием для диагностики момента настоящего. И Вормс довольно осторожно формулирует свою гипотезу. Для того, чтобы определить наш сегодняшний момент и его специфику, должен быть выполнен ряд условий. Первое условие: полный и тотальный разрыв с предыдущим моментом. Второе условие – этот разрыв не должен быть только негативным, но должен ставить новую проблему. И, наконец, третье условие: новые проблемы не могут быть ни исключительно философскими проблемами, ни только «французскими», но должны охватывать различные сферы познания и деятельности человека. Таким образом, рассмотрев, в какой мере эти условия выполнимы для нашего сегодняшнего момента, мы и можем определить его судьбу.

Первым знаком или симптомом смены времен являются «внешние разрывы», которые устанавливаются в публичных дебатах. Вормс указывает на две линии разлома, которые прослеживаются, с одной стороны, в области политики или политической философии – речь идет о полемике, разворачивающейся между 1977 и 1989 гг. вокруг вопроса о правах человека и о самих принципах политического. Эта полемика включает в себя как критику со стороны т. н. «новых философов» (Бернара-Анри Леви и Андре Глюксмана), которой подверглась марксистская мысль после событий 1968 г. во Франции⁸, так и дебаты вокруг перевода на французский язык «Теории справедливости» Ролза. С другой стороны, разлом намечается в области науки или, скорее, эпистемологии. Речь идет о публикации книги «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна» (1997) двух физиков, американца Алана Сокала и бельгийца Жана Брикмона, наделавшей много шума по обе стороны Атлантики⁹. Таким образом, философия, подвергаясь здесь атаке извне и сразу с двух сторон, не может выйти, по мнению Вормса, «сухой из воды» – не может просто ограничиться выбором «своей» стороны в полемике или сменить мировоззрение и прийти к новому видению человека. Ее настоятельная задача и цель – в том, чтобы выявить новую проблему, открывающую, в свою очередь, новую конфигурацию знания или новый момент.

⁸ В своей известной книге «Мысль 68 года» (Ferry L., Renaut A. La pensée 68. P., 1988) ее авторы Ален Рено и Люк Ферри изобличают антигуманизм и релятивизм, отличающие, по их мнению, современную французскую философию.

⁹ См.: Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002.

В этом и заключается гипотеза Вормса: за двумя вышеописанными полемиками скрываются две соответствующие проблемы: проблема справедливости, с одной стороны, и проблема живого или жизни, с другой. Так, за критикой прав человека, предполагает Вормс, мы находим не идею конца истории, речь не идет о том, чтобы вместо «счастливого» конца признать конец «апокалиптический», приводящий к отрицанию демократии и прав человека. Необходимо подвергнуть критике саму постановку проблемы. Геноцид в Руанде, война в Заливе, конфликт в Боснии – все эти события не поддаются однозначной трактовке, а указывают на то напряжение, которое создается на пересечении понятий справедливого и несправедливого. Понятия, которые выходят на первое место, – это, таким образом, этические понятия. Именно на их основе и необходимо ставить новую проблему, определяющую наш сегодняшний момент. Таким же образом и с другой стороны, т. н. «реакция» против философии постмодернизма не ограничивается лишь критикой языка, но становится критикой используемой модели языка как таковой – модели, в которой нет места естественным наукам, биологии, психологии, и т. п. Происходит переход от модели «структурного человека» к модели «нейронного человека», а центральное место принадлежит теперь естественным наукам: биологии, психологии и теории познания – от лингвистики Хомского до когнитивных наук, распространившихся во Франции в 1980-е гг.¹⁰ Именно проблема жизни способна объединить все области познания. Так, например, в сегодняшнем теоретическом поле нейронауки и психоанализ больше не исключают друг друга как кардинально отличные установки познания, но способны встретиться и дополнить друг друга внутри общей проблемы. Определяющая наше время глобальная проблема разворачивается на пересечении между этими двумя проблемами, внутри отношения между справедливостью (этикой) и жизнью. Поэтому наиболее актуальная на сегодняшний день наука – это биоэтика. Сама жизнь становится объектом морали. Речь идет не о поиске естественных оснований этики, но о целом комплексе конкретных отношений между живыми существами. В этом смысле биоэтика – «не изолированный сектор этики, но сама его цель» (enjeu) (с. 565), утверждает Вормс. С другой стороны, такая область исследования как биополитика, несет в своем основании ответ на вопрос о справедливости.

Можно заметить, как совершенно различные авторы из разных областей знания сосредоточивают свое внимание вокруг проблемы жизни и ее этики. Здесь слышится эхо мыслителей предыдущего момента/поколения Рикёра и Левинаса, к которым, в особенности, апеллирует Вормс. Обращение к этим авторам – не просто дань моде, но объясняется более глубокими конститутивными процессами. Поздние работы Деррида, Фуко, Делёза предвосхитили многие проблемы современности. В этом смысле эти авторы сами преодолели разрыв, который отделяет их от настоящего момента, проложили к нему путь.

* * *

Пытаясь через непрерывный анализ настоящего момента ухватить само современное, ища ответ на вопрос о том, «чего мы держимся?» (à quoi tenons-nous ?) или, скорее, что нас удерживает, занимает, захватывает в этом

¹⁰ См. также полемическую книгу-беседу между нейробиологом, профессором в Коллеж де Франс Жан-Пьером Шанжэ и Полем Рикёром: «Что заставляет нас мыслить: природа и порядок» (*Changeux J.-P., Ricœur P. Ce qui nous fait penser: la nature et la règle.* P., 2000), а также книгу Шанжэ «Нейронный человек» (*Changeux J.-P. L'homme neuronal.* P., 1983).

мире, Вормс в конце концов находит ответ. В связи с этим симптоматично изменение названия его хроники в журнале «Эспри». Если в 2005–2008 гг. она выходила под робким и вопросительным подзаголовком «Чего мы держимся? Хроника настоящего момента», то в 2009-м он дает ей окончательное и торжествующее название: «Момент живого». «Беспокойство» сменяется уверенностью. Установка по отношению к современности оправдывает себя: не мы изобретаем проблему, не мы ее формулируем, полагает Вормс, но она сама вторгается в наше жизненное пространство, навязывает нам себя самым драматичным образом. И нам, как философам, остается иметь с ней дело.

Тому, что в наше время принято считать смертью «континентальной» философии в связи с набирающим обороты аналитическим, позитивистским методом и внедрением когнитивных наук, Вормс оптимистически дает имя «новой проблемы», и не просто проблемы научной и созданной науками или для наук, а проблемы *философской*. За видимым жестким разделением между наукой, аналитической философией и философией «континентальной» должно сохраняться изначальное единство – единство проблемы. Таким образом, спасение философии, которое предпринимает Вормс – и именно в этом состоит его «подвиг», – заключается в противопоставлении представлению о современной философии как о наборе аналитических техник и практик, разнообразии противоборствующих методов (философия языка против «french theogu»), примиряющей всех и вся идеи «проблемы». Именно у Деррида, у Левинаса и у Рикёра можно найти опору в этом стремлении. По ту сторону философии подозрения, по меткому слову Поля Рикёра, лежит «Не-деконструируемое», радикально «Иное», Справедливость и Жизнь. Бадью подводит итоги современной французской философии, не забывая включить себя в уходящий поезд истории: его «момент» вписан в строгие временные рамки, внутри которых нам уже места нет. Вормс же предлагает теорию *множественности* моментов, надеясь на чудо – на возрождение французской философии через новый разрыв и через новую постановку проблемы.